

Райхерт К.В.

доцент,

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

КРИТИКА ТОТАЛИТАРНОЙ ПРОПАГАНДЫ В РАССКАЗЕ ФИЛИПА К. ДИКА «ВЕРА ОТЦОВ НАШИХ»

В 1967 году в антологии Харлана Эллисона «Опасные видения» [5] вышел рассказ американского писателя Филипа Киндред Дика (1928–1982) «Вера отцов наших» (Faith of Our Fathers). Рассказ примечателен своей критикой в отношении роли пропаганды в тоталитарных обществах. В определённой мере здесь можно говорить о социальной критике, реализованной в рассказе Филипа Дика.

Американский философ Майкл Уолцер (1935 –) полагает, что социальная критика является одной из практик выражения недовольства. Социальная критика может иметь многообразные формы её проявления и, более того, разнохарактерное влияние на социальную практику: «Политическое осуждение, моральное обвинение, скептическое вопрошание, сатирический комментарий, гневное пророчество, утопические спекуляции – все эти формы не чужды социальной критике» [3, с. 28].

Для меня здесь важно, что «список возможных форм может быть легко увеличен» [3, с. 28]. Это позволяет рассматривать как формы социальной критики любые тексты вообще. Под «текстами» я здесь понимаю то, как их понимает британский теоретик медиа Дэвид Хезмондалш (1963): «В культурном анализе этот термин <«тексты» – *вставка моя. – К.Р.*>» используется в специальном смысле – для обозначения объектов, артефактов и событий, которые имеют значение. Некоторые аналитики считают, что любой объект, артефакт или событие в мире потенциально открыты для анализа и потому представляются текстами» [4, с. 426]. Хезмондалш понимает «тексты» «в более узком, но в то же время достаточно широком смысле – в качестве собирательного названия для всех «произведений», производимых культурными индустриями, таких как телепрограммы, фильмы, записи, книги и т.д. Термин не используется здесь в старом смысле (как обозначение написанного или напечатанного текста), хотя может обозначать и печатные артефакты» [4, с. 426].

Действие рассказа «Вера отцов наших» происходит в будущем, когда в мире победили китайские коммунисты. Молодой партийный бюрократ Тунг Чьен из Вьетнама покупает у уличного торговца, ветерана войны, лёгкий наркотик в виде порошка. Дома перед обязательным просмотром телевизионного выступления лидера коммунистической партии, именуемого «Абсолютным Благодетелем Народа», он принимает наркотик. И тут, как ему кажется, у него начинается сильная галлюцинация. До принятия порошка: «на экране появился чёткий цветущий лик двадцатилетнего лидера Восточной компартии, правителя многих народов» [1]. После принятия порошка: «Перед Чьеном материализовалась механическая мёртвая конструкция, склепанная из печатных плит, линз, каких-то шлангов-щупалец, коробок с раструбами. Из раструбов исходил угрожающий монотонный звон» [1].

На следующий день на связь с Чьеном выходит член подпольного движения Таня Ли и сообщает Чьену, что вождь партии вообще не человек, а скорее всего – инопланетянин, и что повсюду в питьевую воду добавляются

галлюциногены. Дополнительно к этому образ вождя проходит видеокоррекцию. Так или иначе, при просмотре выступления вождя Чьен сталкивается с псевдодействительностью (псевдореальностью, псевдомиром), порождаемой пропагандой.

Идея псевдодействительности – это одна из основных идей в творчестве Филипа Дика: «Сейчас мы живём в обществе, где фиктивные реальности создаются правительствами, средствами массовой информации, крупными компаниями и религиозными группами – а затем эти псевдоміры с помощью радиоэлектронной аппаратуры обрушиваются на головы читателей, зрителей и слушателей» [2].

Далее Таня Ли сообщает ему, что порошок, купленный Чьеном, напротив, даёт антигаллюциногенный эффект, позволяя видеть вещи в истинном свете. По Филипу Дику «действительность – это то, что не исчезает, когда в это перестаёшь верить» [2]. Антигаллюциноген разрушает эту веру и должен представить действительность в истинном свете. Значит, вождь действительно является механическим монстром.

Однако здесь возникает трудность: по словам Тани Ли разные люди после принятия антигаллюциногена видят несколько вариантов истинного облика вождя: дракон, неземное существо, смерч, механический монстр (как видел Чьен). И как это понимать? Буквально как метафору или аллегорію? Или же, как то, что антигаллюциноген предлагает альтернативную псевдодействительность, а не подлинную действительность? Если ответ на последний вопрос положительный, то антигаллюциноген следует рассматривать как контрпропаганду.

Отчасти только что высказанное подтверждается в дальнейших сюжетных перипетиях в рассказе. Чьена приглашают на обед к Абсолютному Благодетелю Народа. Он прибывает на обед, предварительно приняв повышенную дозу антигаллюциногена. И что же видит перед собой Чьен, когда оказывается перед вождём? «Оно было ужасно. Источаемый им ужас охватил Чьена, как волна испепеляющего жара. Продвигаясь к столу, оно высасывало жизнь из людей, попадавших на пути, пожирая и энергию с ненасытным аппетитом. Оно ненавидело окружающих – он чувствовал его ненависть. Оно на дух не переносило людей – всех и каждого – и он неожиданно понял, что испытывает долю этого отвращения вместе с ним. На мгновение все, присутствующие на вилле показались ему мерзкими слизняками, и это существо шествовало по скрученным панцирям упавших раздавленных слизняков, глотало, пожидало, насыщалось и всё это время надвигалось именно на Чьена. Или это была лишь иллюзия? «Если это галлюцинация, то самая жуткая в моей жизни, – подумал Чьен. – Если это реальность, то чересчур жестокая. Порождённое абсолютным злом существо, убивающее и заглатывающее поверженные жертвы». Он смотрел на след существа – цепочку раздавленных, искалеченных мужчин и женщин. Он видел, как они пытались заново собрать свои изуродованные тела, что-то сказать» [1]. Лучшего описания сущности тоталитаризма и его пропаганды, чем вот этот гротеск Филипа Дика, и не придумаешь.

Как можно видеть, несмотря на то, что Чьену открылась «правда» о сущности вождя, ему приходится принимать антигаллюциноген, чтобы противостоять пропаганде партии. То есть обращаться к контрпропаганде. Однако контрпропаганда не работает. Весь ужас, который испытывает Чьен перед «истинным обликом» вождя, вынуждает Чьена совершить попытку самоубийства: он пытается выброситься из окна, но вождь удерживает его за

плечо щупальцем и проводит с ним разъяснительную беседу. Ситуация завершается потерей сознания Чьеном. Когда Чьен приходит в себя, охрана говорит ему, что он устроил скандал, употребив много алкоголя. Вернувшись домой, Чьен обнаруживает след от щупальца вождя на плече в виде кровоточащей раны. Чьен не может остановить кровотечение – и понимает, что ему осталось жить недолго. Пропаганда оставляет такой сильный след в душах людей, что никакая контрпропаганда уже поможет. В этом плане рана, полученная от щупальца вождя, оказывается очень символической: она призвана продемонстрировать неустранимость воздействия тоталитарной пропаганды и её эффекта в сознаниях людей. Другими словами: неустранимость тоталитарного сознания. Так или иначе, тоталитарное сознание после воздействия тоталитарной пропаганды сохраняется в сознании людей, хотя бы в остаточной форме.

Список использованных источников:

1. Дик Ф. К. Вера отцов наших: [Электронный ресурс] / Филип Киндред Дик; пер. с англ. Б. Маковцева. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/DICKP/father.txt> (дата обращения: 01.12.2014).
2. Дик Ф. К. Как создать вселенную, которая не рассыплется через пару дней: [Электронный ресурс] / Филип Киндред Дик; пер. с англ. Д. Ковалевского. – Режим доступа: http://www.lib.ru/INOFANT/DICKP/s_universe.txt (дата обращения: 19.11.2014).
3. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века: [пер. с англ.] / Майкл Уолцер. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.
4. Хезмондалш Д. Культурные индустрии / Дэвид Хезмондалш; пер. с англ. И. Кушнарёвой; под науч. ред. А. Михалёвой. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 456 с. – (Исследования культуры).
5. Dangerous visions / ed. H. Ellison. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1967. – 520 p.

Скрицька Н.В.

викладач,

Буковинський державний медичний університет

СУТНІСТЬ ТА ПРОБЛЕМА ІДЕНТИФІКАЦІЇ В ІСТОРІЇ ФІЛОСОФСЬКОЇ ДУМКИ

Про проблему сутності заговорив ще в епоху Античності Арістотель. Так, у своїй «Метафізиці» він підкреслював принципову відмінність двох характеристик речей: нерозчленованої індивідуальної неповторності речі і властивостей. Виходячи з цього, філософ веде мову про «первинні» і «вторинні» сутності. Вторинні сутності в історії філософії ще називають «загальними». Питання про загальні сутності є питанням належності поняття речі визначеному роду. Первинні ж сутності ще називають «індивідуальними».

В історії філософії більш вагомими виступають вторинні сутності, які використовуються в якості родів та видів. Не випадково саме поняттю вторинних сутностей приділяли увагу чимало філософів Античності та як щось загальне воно закріпилось в Середньовіччі. Так, Ф. Аквінський, наприклад,